

© 2019

Базынан Бизенгин

доктор экономических наук, профессор
Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета
им. В.М. Кокова
(e-mail: r3bizengin@mail.ru)

Мадина Эннеева

доктор экономических наук, доцент
Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета
им. В.М. Кокова
(e-mail: madis@mail.ru)

Бэла Кушова

кандидат экономических наук, доцент
Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета
им. В.М. Кокова
(e-mail: b7kushova@mail.ru)

СТАНЕТ ЛИ РОСТ НАСЕЛЁННОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ФАКТОРОМ ИХ РАЗВИТИЯ?

Одним из направлений процесса государственного строительства в национальных республиках РФ в 2000-е годы становится формирование столиц и новой системы территориальной организации и расселения населения, отражающей автономию территории.

Предметом статьи является выявление влияния роста народонаселённости региональных столиц на некоторые базисные параметры их развития. Проведен анализ основных факторов и условий, определивших концентрацию населения территории в столицах. Высказаны предложения по разрешению возникших проблем.

Ключевые слова: постулаты расселения и территориальной организации, народонаселённость, воспроизводственный контур народонаселённости, факторы роста численности населённости, региональные столицы Северного Кавказа.

DOI: 10.31857/S020736760005424-5

Региональное развитие России вступает в новую фазу развития, если высказанные Президентом РФ В. Путиным в ежегодном послании Федеральному Собранию положения, направленные на пространственное развитие¹, обретут соответствующие признаки государственной региональной политики.

¹ «Предлагаю развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населённых пунктов, и как минимум удвоить расходы на эти цели в предстоящие шесть лет... Активная, динамичная жизнь России, с её огромной территорией, не может сосредоточиться в нескольких мегаполисах. Крупные города должны распространять свою энергию, служить опорой для сбалансированного, гармоничного пространственного развития всей России. Для этого крайне необходима современная инфраструктура. ... Но очевидно, что именно развитые коммуникации позволят жителям малых городов и сёл удобно пользоваться всеми возможностями и современными сервисами, которые есть в крупных центрах, а сами небольшие населённые пункты будут тесно интегрированы в общее социальное и экономическое пространство России. При этом мы поддержим и инициативы, которые позволят нашим малым городам, населённым пунктам сохранить самобытность, по-новому раскрыть свой уникальный потенциал. Особое внимание будем уделять социальному, инфраструктурному развитию сельских территорий. Российский агропромышленный комплекс уже стал

В настоящее время на региональном уровне идет процесс концентрации населения в так называемых региональных столицах или административных центрах территорий. Последнее связано, с одной стороны, с общим снижением уровня, качества и безопасности жизни на территории регионов и стремлением противодействовать этой тенденции путем своеобразной концентрации ресурсов в одном главном городе региона, как-вым выступают «региональные столицы», а с другой стороны, это попытка сохранить таким образом свое этнонациональное своеобразие. Но при этом неоднозначным оказывается механизм и методы достижения этих целей, хотя общий контекст — формирование региональной столицы — высвечивается достаточно однозначно. Другой вопрос: к чему приведет концентрация народонаселённости региональных столиц? Насколько устойчивы нынешние тенденции? Каков механизм их появления? Будет ли продолжаться рост народонаселённости региональных столиц в русле канонической модели, или же мы имеем своеобразную «новую реальность» в области регионального развития? Эти и другие вопросы находятся в поле зрения отечественных и зарубежных учёных² и заслуживают глубоких теоретико-методологических исследований. Не меньший интерес представляют прикладные вопросы, одним из аспектов решения которых становится выявление основных факторов, механизмов и перспектив на основе анализа статистических данных³.

глобально конкурентной отраслью. Такой же современной должна быть и жизнь людей, которые своим трудом обеспечивают этот успех» // Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 "Послание Президента Федеральному Собранию"; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/

² O'Sullivan A. *Urban Economics*. 8th edition // McGraw-Hill. 2011; Занадворов В.С., Ильина И.П. Теория экономики город / Учеб. пособие // Москва.: Изд. дом ВШЭ, 1999; Шлидт А.В. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические, прикладные аспекты // Экономика региона, 2016. Т. 12. № 3. С. 776–789; Савельева, М.В. Крупные города России и механизмы их развития / М.В. Савельева, С.Б. Мельников, В.П. Орешин // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 95–101; Лексин В.Н. Региональные столицы» в экономике и социальной жизни России // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 84–93; Lexin V.N., Porfiriev B.N. The Russian Phenomenon of Megalopolis-Type Cities // Regional Research of Russia. 2018. Vol. 8. No. 2. P. 133–140; Лексин В.Н. Города власти: административные центры России // Мир России: Социология, этнология. 2009. Т. 18. № 1. С. 3–33; Лексин В.Н., Карачаровский В.В. Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в её крупнейших городах // Российский экономический журнал. 2007. № 1–2. С. 26–46; Коломак Е.А. Городская система современной России // ИЭОПП СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2018. Винокуров М.А. Город как основа социально-экономического и инновационного развития в XXI веке // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 5. С. 5–10. Глейзер Э. Триумф города // М., 2014; Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Российское экспертное обозрение. 2006. № 2. С. 19–22; Anas A. Vanishing Cities: What Does the New Economic Geography Imply About the Efficiency of Urbanization? // Journal of Economic Geography. 2004. Vol. 4. N 2, pp. 181–199; Chauvin J.P., Glaeser E., Ma Y., Tobio K. What is different about urbanization in rich and poor countries – Cities in Brazil, China, India and United States. // Journal of Urban Economics. 2017. Vol. 98, pp. 17–49; Jacobs J. *The Economy of Cities* // New York: Random House. 1969.

³ Коломак Е.А. О чем говорит отклонение от закона Ципфа? // ЭКО. 2016. № 11. С. 121–128; Лексин В.Н. Города власти: административные центры России // Мир России: Социология, этнология. 2009. Т. 18. № 1. С. 3–33; Лексин В.Н., Швецов А.Н. Новые проблемы российских городов. Муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения // Москва, 1998; Коломак Е.А. Почему возникают и растут города? Объяснения теоретических и эмпирических исследований // Пространственная экономика. 2018. № 2. С. 134–153; Ahrend R., Farthy E., Kaplanis I., Lembcke A. What Makes Cities More Productive? Evidence from Five OECD Countries on the Role of Urban Governance // Journal of Regional Science. 2017. Vol. 57. Issue 3. Pp. 385–410; Bacolod M., Blum B., Strange W. Skills and the City // Journal of Urban Economics. 2009. Vol. 65. Issue 2. Pp. 136–153.

Теоретико-методологическая основа исследования. Настоящее исследование базируется на достаточно разработанной теоретической и методологической основе территориальной организации и расселения⁴, содержащей определенные догмы, принципы, модели. Историческая практика территориальной организации и расселения выработала классическую модель, которую можно представить в виде следующего алгоритма: производство—рабочая сила—благосостояние—безопасность—народонаселённость. Согласно данной канонической модели народонаселённость связана с уровнем и качеством жизни (благосостоянием) и уровнем безопасности, которые создаются экономикой. Чтобы достичь высоких уровня и качества жизни и безопасности, необходимо больше производить. Но чтобы больше производить, необходима, при прочих равных условиях, рабочая сила высокой квалификации большая по численности. Последняя выступает продуктом растущей народонаселённости, которая и порождает рост народонаселённости поселения. Таким образом, высокая и растущая народонаселённость есть продукт развитых производства, рабочей силы, уровня, качества и безопасности жизни.

Существующая теоретико-методологическая основа территориальной организации и расселения содержит ряд догм, среди которых важное место занимает следующая — развитие территории возможно при наличии определенной концентрации населения на территории⁵. Далее эта догма имеет своеобразное логическое (не эмпирическое) продолжение: чем больше концентрация населения на некоторой территории, тем выше потенциал ее развития. Исходя из этих догм, делается вывод; чтобы территория начала развиваться или даже саморазвиваться, необходимо увеличивать концентрацию населения в ней. По-видимому, это верное положение. Забегая вперед, заметим, что при этом забывают о механизме (или механизмах) обеспечения концентрации населения территории. В частности, является ли любой способ концентрации населения территории позитивным для ее развития или же для последнего необходим специфический самоорганизующийся процесс наращивания численности населения на определенной территории? Дело в том, что в приведенных утверждениях (положениях) забывается, что между развитием и численностью населения присутствуют причинно-следственные

⁴ Симагин Ю.А. Территориальная организация населения и хозяйства // Москва, 2015; Осинцева В.М. Демография / 2-е изд., перераб. и доп. // Тюмень: Изд-во ТюмГУ. 2011; Гранберг А.Г. Основы региональной экономики // М.: ГУ ВШЭ, 2006; Воейков А.И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека // Санкт-Петербург, 1911; Владимиров В.В. Проблемы развития теории расселения в России // Москва: Эдиториал УРСС, 2002; Порошенков Ю.В. Какие существенные изменения претерпела территориальная организация российского общества за постсоветский период? Что в ней осталось? // *Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов)* // Москва: Вузовская книга, 2012. С. 48–50; Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения / Предисловия Г.М. Лаппо и А.И. Трейвиша // М.: Новый хронограф, 2014. Лексин В.Н. Настоящее и будущее системы расселения – главная проблема России // *Федерализм*. 2011. № 1. С. 57–74.

⁵ Региональная экономика и пространственное развитие. В 2 т. / под общ. ред. Л.Э. Лимонова; под ред. Б.С. Жихаревича, Н.Ю. Одинг, О.В. Русецкой. - 2-е изд., перераб. и доп. // Москва: Издательство Юрайт, 2018; Лексин В.Н., Карачаровский В.В. Указ соч.; О'Салливан Указ. соч.; Занадворов В.С., Ильина И.П. Указ соч.

связи, т.е. рост численности населения развивает территорию, но сам рост численности населения есть следствие развития территории. И получается своеобразная цепь детерминированных отношений: чтобы развивалась территория, необходимо наращивать численность населения, но, чтобы численность населения росла, необходимо развиваться территории⁶.

Теоретико-методологический континуум. Настоящее исследование базируется на определенной теоретической, методологической, методической и эмпирической базе. Важным элементом исследования выступает совокупность теоретических и методологических положений (постулат), представляющих своеобразный теоретико-методологический континуум.

Постулат 1. Люди (индивиды и их группы) стремятся максимизировать свое благосостояние (выражаемое в уровне и качестве жизни) и безопасность или минимизировать ущерб от их снижения.

Постулат 2. Повышение благосостояния и безопасности индивидов растет с ростом их численности и разнообразия (половозрастного, этнического и проч.). Следовательно, наращивать благосостояние и безопасность можно путем увеличения численности людей и их разнообразия. (Минимизировать снижение благосостояния и безопасности можно путем повышения численности и разнообразия населения.)

На основании высказанных постулатов формируется воспроизводственный контур народонаселённости поселения, содержащий следующий алгоритм: природная среда—производство средств существования—рабочая сила—благосостояние и безопасность—народонаселённость. Природная среда выступает основой жизнедеятельности людей и их

⁶ Эта особенность и логика наглядно проявляла себя в период русского освоения территорий за пределами исторического месторазвития. Мы имеем в виду, например, освоение русскими Туркестана. Низкий уровень производительных сил и специфическая заточенность русского крестьянина (как основной производительной силы государства даже еще в XIX в.) на земледелие вела к тому, что чтобы прокормиться (не умереть, грубо говоря) он должен был увеличивать размер своей семьи (кстати, это и было реальной причиной появления большесемейности у русских земледельцев на востоке), но выращенный урожай делился на число едоков. И получалась странная – порочная – система: чтобы производить больше, нужно было иметь больше рабочих рук, но наличие большого числа рабочих рук приводило к тому, что объем имеющихся ресурсов оказывался низким в расчете на одного едока. Выход из этой ситуации нашли еще раньше в Греции и других античных и библейских странах (и государствах) в рабстве – рацион питания рабов был ниже (по-видимому, дажекратно), чем рацион питания граждан. Поэтому было выгодно держать рабов, а не граждан. Это – то и оправдывало рабовладение и сам рабовладельческий строй с экономической точки зрения. Но раб все же нуждался в элементарном уходе, т.е. ему все же следовало давать что-то из того, что он производил. Так возникла категория «степень эксплуатации», на которой держится вся теория трудовой стоимости и классический (или ортодоксальный) марксизм. Но русские, (и, по-видимому, не только они), нашли в Туркестане (но и в Сибири, Дальнем Востоке и вообще там, где поселялись) новую форму и новый механизм решения извечной проблемы соотношение питания и производства. Они стали нанимать работников из местного населения и только на время работ, т.е. так называемых сезонных работников. По завершении работ, работник получал оговоренную плату (то ли продуктами, то ли деньгами) и отправлялся к себе до следующего года. Чаще всего это было под зиму, т.е. после уборки сельскохозяйственных культур. По весне он возвращался к своим хозяевам и работал до завершения работ, т.е. поздней осени, после чего вновь покидал хозяев. Это были сезонные работники, которые устраивали хозяйство русского земледельца в Туркестане. Иными словами, это был важный, а местами и вовсе важнейший элемент русского земледельческого хозяйства на востоке. Так русские земледельцы в условиях низкого уровня производительных сил, когда основной производительной силой были «рабочие руки», решали проблему соотношения производства и потребления. (Кстати, она же заставляла мигрировать русского крестьянина с исторических мест). Полагаем, что решение получилось спонтанным, т.е. сугубо эмпирическим. Это способствовало обогащению некоторых хозяйств, но в дальнейшем привело к их раскулачиванию.

безопасности. Однако, по мере эксплуатации природной среды снижается ее производительная сила, т.е. происходит истощение природных ресурсов. Одновременно с развитием средств перемещения и преодоления природных преград, а также с ростом конкуренции между людьми снижается также и уровень безопасности со стороны природной среды (гор, морей, рек и проч.). Поэтому наращивать (или даже просто восстанавливать прежний уровень) благосостояния и безопасности можно путем улучшения природной среды за счет внедрения новых производительных сил, а также обогащения навыков людей и развития их социальной организации. Последнее на определенном уровне стимулирует рост и разнообразие народонаселённости. В свою очередь, растущая (увеличивающаяся) народонаселённость стимулирует (подталкивает) к изменениям производительных сил, способностей людей, результатом чего становится повышение производительной способности природной (внешней и внутренней) среды и повышение благосостояния и безопасности населения.

Таким образом, выдвинутые постулаты позволяют утверждать, что, во-первых, при изменении внешних условий, создающих опасность (условия) снижения уровня, качества жизни и безопасности, люди стремятся увеличивать народонаселённость поселений, во-вторых, достигают этого как за счет повышения естественного прироста, так и за счет миграции, в-третьих, люди (индивиды и их группы) при прочих равных условиях мигрируют в те поселения, где уровень, качество и безопасность жизни выше, и покидают те, в которых они ниже, а покидая поселения, они тем самым снижают в них уровень, качество жизни и безопасность. Вселяясь же в новые поселения, увеличивая численность населения и его разнообразие, они повышают уровень, качество и безопасность в новом поселении.

Полученные выводы носят умозрительный характер и нуждаются в эмпирической проверке на основе соответствующей методической базы.

Методическая основа исследования. Для проверки выдвинутых теоретических положений были определены объект исследования и система показателей. В качестве объекта исследования приняты региональные столицы Северного Кавказа — наиболее крупные по численности населения территориальные образования. Что касается системы показателей, то ее представляют, с одной стороны, численность населения региональных столиц Северного Кавказа (в границах СКФО), а с другой, душевой доход, средняя заработная плата, средний размер пенсий, средний размер потребительских цен, число предприятий, объем инвестиций в ОК, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства (в т.ч. по видам). Был использован комплекс статистических методов: группировки, корреляционный, индексный и др., с помощью которых проведен анализ, формализация и квантификация выявленных связей и зависимостей.

Эмпирическую базу исследования составили сведения о численности населения, миграции населения, данные макроэкономических показателей регионов Северного Кавказа, региональных столиц, систематизированные

и опубликованные в статистических сборниках Росстата (ФСГС России) – «Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов», «Регионы России. Социально-экономические показатели», а также данные из систематизированных сборников регионов, изданных территориальными органами Росстата. В отдельных случаях были использованы также и другие базы данных. Все имеющиеся данные адаптированы к работе на ПК в типовых программах Microsoft Office Excel 2007 и др.

Результаты исследования. Данные официальной статистики, систематизированные и сгруппированные, указывают, во-первых, на рост численности населения на Северном Кавказе, во-вторых, на рост численности населения в так называемых региональных столицах Северного Кавказа (за исследуемый период народонаселённость региональных столиц Северного Кавказа выросла в 1,4 раза, против роста в 1,1 раза общей численности населения макрорегиона). Сопоставление обоих тенденций указывает на то, что темпы роста численности населения столиц оказались выше, чем в целом по макрорегиону. В результате доля населения столиц составила на 2017 г. 21,4% от общей численности населения Северного Кавказа, тогда как в 2000 г. она составляла 17,5%. Таким образом, можно констатировать, что население региональных столиц российского Кавказа растёт более высокими темпами, чем в целом населения макрорегиона, и выше, чем в целом население России. В то же время следует указать на неравномерность роста как в разрезе территорий, так и в разрезе региональных столиц. Например, если общая численность населения столиц по СКФО выросла более чем в 1,4 раза, то в Нальчике, Владикавказе и Назрани она упала в 2017 г. по сравнению с 2000 г., соответственно, на 3,9%, 5,4% на 0,1%, а в Махачкале, Грозном, Ставрополе и Черкесске выросла. Таким образом, из семи региональных столиц три имели отрицательный прирост населения, а четыре – положительный. При этом в растущих, за исключением Черкесска, наблюдается двузначный прирост и вариация между столицами не столь сильная, как в снижающих столицах.

На динамику народонаселённости региональных столиц Северного Кавказа в 2000-е гг. оказывало влияние большое количество разнообразных факторов и условий. В исследованиях отечественных авторов⁷ проведен анализ отдельных условий и факторов, получены достаточно

⁷ Рахаев Х.М., Тогузаев Т.Х. Миграция как фактор сверхконцентрации населения региональных столиц Северного Кавказа // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1. С. 214–217; Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X конгресса этнографов и антропологов России // Москва: ИЭА РАН. 2014; Соколов Д. Урбанизация и развитие городов на Северном Кавказе // <http://ramcom.net/?p=1141>; Беликов Г.А. Град Креста // Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2005; Гаазов В.Л. Ставрополь и его окрестности // Москва: Изд. Надыршин А.Г., 2015; Бетоева М. Д., Бирюкова Л.Д. История Владикавказа, 1781–1990: сборник документов и материалов // Майкоп: Адыгея, 1991. С. 1022; Города России. Энциклопедия // М.: Большая Российская Энциклопедия. И. Кондратьева, 1994; Симагин, Ю.А. Сеть ПГТ и перспективы урбанизации горных районов Северного Кавказа // Тез. междунар. науч. конф. «Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран» // М.; Ставрополь, 2001; Дударев С.Л., Клычников Ю.Ю. Города как пространство социокультурной адаптации населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта // Пятигорск, 2014; Энеева, М.Н. Институциональные особенности СевероКавказского региона и их влияние на архитектуру регионального и муниципального развития // Известия КБНЦ РАН. 2011. № 2 (40). С.112–120; Энеева, М.Н. Северному Кавказу нужны не деньги, а институциональные реформы // Общество и экономика. 2010. № 10–11. С.184–199.

репрезентативные результаты, которые позволяют делать обобщения и прогнозы. В то же время меньшее внимание уделено экономическим факторам, которые, на наш взгляд, являются если не определяющими, то участвующими в формировании долгосрочных трендов народонаселённости региональных столиц Северного Кавказа. В настоящей работе основной акцент сделан на экономических факторах и условиях, участвующих в формировании динамических и структурных тенденций народонаселённости региональных столиц Северного Кавказа. Для оценки динамики народонаселённости региональных столиц Северного Кавказа были использованы такие факторы, как заработная плата, пенсии, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства (с разбивкой по видам деятельности), объем выполненных строительных работ, оборот розничной торговли, объем инвестиций и уровень инфляции.

Расчеты показали, что во всех региональных столицах численность населения сильно коррелировала с заработной платой, но в столицах с растущей численностью (Махачкала, Грозный, Ставрополь и Черкесск) коэффициент корреляции оказывался очень высоким (от 0,594 – Черкесск до 0,904–960 в Махачкале–Грозном–Ставрополе), тогда как в столицах со снижающейся численностью (Нальчик, Владикавказ, Назрань) значение коэффициента корреляции оказалось отрицательным и, за исключением Владикавказа, менее сильным (от –0,745 и –0,794 (Нальчик, Назрань) до –0,985 (Владикавказ)). Аналогичные (но с несколько более высоким уровнем) тенденции наблюдаются в корреляции с пенсиями. Все это может быть интерпретировано следующим образом: в столицах более высокие уровни заработной платы и пенсий, и это привлекает приток населения в столицы (т.е. выступает стимулом к внутрирегиональной миграции). При этом столицы разных регионов имеют разную привлекательность по одному из базовых признаков уровня жизни. В группе столиц с растущей численностью более высокий уровень оплаты труда наблюдался в Ставрополе, Грозном и Махачкале, а самый низкий, в Черкесске (она почти на четверть ниже, чем в Ставрополе). В столицах со снижающейся численностью – Нальчике, Владикавказе и Назрани, средний размер заработной платы за 2005–2017 гг. был примерно одинаковым и ниже ставропольского почти на 20%. Несколько иная конфигурация наблюдается по пенсиям. Из региональных столиц Северного Кавказа самые высокие пенсии за период 2005–2017 гг. были в г. Ставрополе. Они превышали почти на треть самый низкий размер пенсий среди северокавказских столиц (Назрань), махачкалинские на 18%, грозненские на 17%.

Таким образом, по привлекательности основных показателей уровня жизни – заработной платы и пенсий – предпочтение было на стороне г. Ставрополя, который по пенсиям опережал все другие региональные столицы Северного Кавказа. Что касается цен (уровня инфляции), то и по уровню потребительских цен Ставрополь оказывается более предпочтительным, чем другие северокавказские столицы, т.к. уровень потребительских

цен в среднем за период 2005–2017 гг. в г. Ставрополе оказался менее высоким, чем в других региональных столицах Северного Кавказа, где цены росли более высокими темпами, чем в Ставрополе.

Следующим фактором, влияющим на динамику численности населения региональных столиц Северного Кавказа, выступает занятость и в целом состояние рынка труда. В качестве основных индикаторов нами использовались: число предприятий и организаций, стоимость основных фондов, объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства, инвестиции в основной капитал. Расчет корреляции проводился в двух аспектах: с точки зрения корреляции основных макроэкономических параметров промышленности и производств с численностью населения столиц и с уровнем заработной платы. Расчеты выявили следующие тенденции.

Первая — корреляция численности населения с числом предприятий в региональных столицах в основном положительная, но дифференцирована. В столицах с растущей численностью населения корреляция составила в Махачкале (0,777), в Грозном (0,905), в Ставрополе (0,072), в Черкесске (–0,224), а в столицах со снижающейся численностью населения, соответственно, Нальчик (–0,850), Владикавказ (0,877), Назрань (0,748). Таким образом, с числом предприятий численность населения столиц коррелировала противоречиво и какой-то общей тенденции выделить не представляется возможным. Но при этом если сопоставить, во-первых, численность предприятий в расчете на 10 000 жителей столицы, а также темпы изменения числа предприятий с темпами роста численности населения, то обнаруживается новая зависимость. Прежде всего, самая высокая плотность предприятий (в расчете на 10 000 чел.) наблюдается в Ставрополе (в среднем за 2005–2017 гг. она составила 4,5, но 2005 г. было свыше 8 предприятий на 10 тыс. чел. столицы), что почти в три раза больше, чем в Грозном, в 1,6 раза, чем в Нальчике, Черкесске и Назрани, в 1,3 раза, чем в Махачкале, но примерно столько же, сколько во Владикавказе (причем плотность предприятий во Владикавказе оказывается даже выше, чем в Ставрополе, но в результате резкого (более чем в 2,2 раза) снижения числа предприятий в 2013 году их плотность на 10 000 чел. населения столицы упала более, чем в два раза). Оценка корреляции численности населения и плотности предприятий составила: для Махачкалы (0,094), Грозного (0,562), Ставрополя (–0,266), Черкесска (–0,463), Нальчика (–0,945), Владикавказа (0,840), Назрани (0,686). Можно отметить, что наибольшие по численности и динамике роста столицы (Махачкала и Ставрополь) имели самую низкую корреляцию численности населения с плотности предприятий. При этом можно говорить и о том, что чем ниже плотность предприятий, тем сильнее она коррелировала с численностью населения. В некотором смысле это можно интерпретировать так, что рост численности населения столиц определяется в том числе и числом предприятий. Но не однозначно, а с определенными вариациями и лагом. Что касается уровня заработной платы и ее корреляции с численностью пред-

приятий, то здесь и по направленности, и по уровню наблюдаются высокие различия. Высокая положительная корреляция уровня оплаты труда с численностью предприятий (и их плотностью) наблюдалась в Нальчике (0,873 и 0,899), Махачкале (0,754 и 0,191), Грозном (0,722 и 0,950). Отрицательная высокая корреляция наблюдалась во Владикавказе (−0,913 и −0,919), в Назране (−0,720 и −0,752). Низкая отрицательная — в Черкесске (−0,130 и −0,288), в Ставрополе (−0,047 и −0,368).

Таким образом, высокая плотность и численность предприятий не гарантирует такой же высокой корреляции с заработной платой, т.е. это говорит о том, что заработная плата как индикатор и фактор уровня жизни в северокавказских столицах формируется не только предприятиями реального сектора экономики.

Вторая — объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг по видам экономической деятельности по организациям, не относящимся к субъектам малого предпринимательства, неоднозначно влиял на динамику численности населения региональных столиц. Причем различия наблюдаются как по общему объему, так и по структуре (видам отраслей). Что касается общего объема отгруженных товаров и выполненных работ и услуг, то здесь наиболее сильная корреляция наблюдается в г. Ставрополе (0,956), а самый низкий (по абсолютному значению) в г. Назрань (−0,250). Соответственно, наивысший уровень корреляции численности населения с добычей полезных ископаемых показал Владикавказ (0,819), а самые низкие — Нальчик и Назрань, где таковых производств в городах нет. Наивысший уровень корреляции численность населения столицы с обрабатывающими производствами показал г. Ставрополь (0,966), а низкий — Назрань (−0,381). Наивысший уровень корреляции численности населения столиц с учетом производства и распределения электроэнергии, газа и воды был продемонстрирован в г. Грозном (0,889), а самый низкий — в г. Назрань (−0,157). В целом же по городам ситуация следующая: Нальчик, соответственно, −0,653, −0,545 и −0,515, Махачкала, соответственно, 0,384, −0,788, 0,539 и 0,347, Грозный, соответственно, 0,842, −0,107, 0,726 и 0,889, Ставрополь, соответственно, 0,956, 0,747, 0,966 и 0,694, Черкесск, соответственно, 0,711, −0,047, 0,716 и 0,536, Владикавказ, соответственно, −0,753, 0,819, −0,557 и −0,593, Назрань, соответственно, −0,250, 0,0, −0,381 и −0,157. Таким образом, если обобщить данный аспект исследования, то оказывается, что собственное производство играет важную роль в динамике населения столиц. Там, где имеется развитая отраслевая структура производства, диверсифицированная промышленность, там рост последней стимулирует рост населенности столиц (что видно на примере г. Ставрополя), там же, где низкий уровень промышленного производства, где оно моноотраслевое, с низкой отраслевой диверсификацией, там наблюдается низкая корреляция с динамикой населенности столиц (что видно на примере Владикавказа, Назрани, Черкесска).

Третья — динамика населенности региональных столиц и объем сферы услуг по-разному коррелировали как в территориальном разрезе, так и в видовом. Отследить эти влияния можно, используя, во-первых, объем

сферы услуг в столичном хозяйстве, во-вторых, видовую структуру услуг. Полной статистики по услугам в региональных столицах нет, есть лишь отдельные фрагменты. Поэтому в качестве индикатора данного аспекта нами взят оборот розничной торговли, который вполне репрезентативно представляет сферу услуг в регионах. Так вот, во-первых, между численностью населения столиц и оборотом розничной торговли во всех столицах, кроме Владикавказа и Назрани, наблюдается невысокая отрицательная корреляция. В Нальчике коэффициент корреляции составил $-0,252$, в Махачкале $(-0,669)$, в Грозном $(-0,427)$, в Ставрополе $(-0,182)$, в Черкесске $(-0,210)$. Две столицы — Владикавказ $(0,330)$ и Назрань $(0,522)$ демонстрировали положительные, хотя и несильные корреляции. Полученные результаты указывают на то, что, во-первых, розничная торговля не выступает главным фактором, обеспечивающим формирование динамики населенности северокавказских столиц (по-видимому, она не состоит в ряду основных, но при этом все же присутствует в комплексе факторов), т.к. ее коэффициент корреляции в торговле, как правило, слабее (ниже), чем промышленности, строительства и транспорта, во-вторых, в большинстве столиц имеет отрицательную направленность, т.е. розничная торговля не выступает фактором, стимулирующим динамику населенности столиц.

Четвертая — на динамику населенности столиц оказывали (и продолжают оказывать) инвестиции в основной капитал. Однако, как и с предыдущими факторами, их влияние различается, во-первых, по размерам инвестиций, во-вторых, по столицам. Рассчитанные коэффициенты корреляции между инвестициями и численностью населения столиц показывают, что, во-первых, по четырем из семи столиц связь положительная, (Махачкала $0,582$, Грозный $0,092$, Ставрополь $0,704$, Черкесск $0,518$), а по трем (Нальчик $-0,608$, Владикавказ $-0,773$ и Назрань $-0,383$) отрицательная, но, во-вторых, между столицами наблюдается высокая вариация в уровне: самый высокий коэффициент демонстрировал Ставрополь, а самый низкий — Владикавказ, остальные разместились между этими двумя городами как маркерами разных городских хозяйств. Характерно, что в первую группу — группу с положительным коэффициентом корреляции — попали столицы с растущей численностью населения и с достаточно высоким уровнем инвестиций на душу населения. При этом следует заметить, что самый высокий уровень душевых инвестиций в г. Грозный ($66,7$ тыс. на жителя), а самый низкий — в г. Махачкала ($7,7$ тыс. руб.). То есть в Грозном уровень душевых инвестиций оказывается почти в восемь раз выше, чем в Махачкале, в два раза выше, чем в Ставрополе и Черкесске, в четыре раза, чем во Владикавказе и Нальчике и в три раза, чем в Назрани. Но при этом корреляция численности населения и инвестиций в ОК в г. Грозном составила всего $0,092$, т.е. по обычным меркам — ничтожная, тогда как в других региональных столицах — от умеренной до высокой.

Пятая — инфляция и динамика потребительских цен в целом односторонне влияют на динамику народонаселенности региональных столиц: где-то они ниже, а где-то выше. Однако и у этой тенденции имеют свои региональные особенности. Расчет коэффициента корреляции

между численностью населения столиц и индексом потребительских цен повторяет, во-первых, общую тенденцию с макроэкономическими параметрами, т.е. неоднонаправленность и территориальную неравномерность, во-вторых, в целом невысокий (средний) уровень. Динамика численности населения региональных столиц отрицательно коррелировала с индексом потребительских цен в Нальчике (–0,475), Махачкале (–0,538), Грозном (–0,543), Ставрополе (–0,455), Черкесске (–0,459) и только в двух северокавказских столицах: Владикавказе (0,612), Назрани (0,616) имела положительное значение и более высокий уровень. При этом следует указать, что самый низкий уровень инфляции наблюдался в г. Ставрополь, а самый высокий в г. Грозный. Впрочем, разница между ними составляет чуть более 1%. Впрочем, очевидно, что обобщение общекавказской тенденции в данном признаке позволяет указать на то, что влияние роста цен на динамику численности населения столиц устойчиво и преимущественно отрицательно. По-видимому, рост потребительских цен не сдерживает рост внутрирегиональной миграции в региональные столицы Северного Кавказа, но несколько корректирует в плане того, что создает лаг ожидания. Причина такого поведения данного параметра, на наш взгляд, заключается в том, что, во-первых, внутри региона не наблюдается слишком значительных вариаций в потребительских ценах и столица в этом плане не слишком выигрывает по сравнению с провинцией; во-вторых, наличие неплохих транспортных коммуникаций позволяет элиминировать эффект дифференциации цен. Но при этом межрегиональные различия все же существуют и они оказывают влияние на межрегиональную миграцию населения и в целом на регулирование потока миграции.

х х х

Анализ показал, что рост народонаселённости региональных столиц Северного Кавказа происходил вопреки логике канонической модели развития, согласно которой прирост населения происходит по причине роста уровня, качества и безопасности жизни. Здесь же наблюдается (исключением является г. Ставрополь) спад промышленности, деиндустриализация, процессы разрушения столичной производственно-промышленной базы, но происходит и рост численности населённости столиц. С точки зрения логики развития имеет место парадокс. Правда, если заглянуть вглубь, оценить качественные сдвиги, то выясняется, что реального роста, по сути, не происходило, а имеет место так называемый замещающий рост, т.е. после миграции (выбытия) одних (в т.ч. высококвалифицированной рабочей силы, связанной с производственно-промышленным сектором столичного хозяйства и смежными с ним отраслями: наукой, образованием, медициной и т.д.), произошел приток (который оказался даже больше, чем отток) рабочей силы менее квалифицированной и, главное, связанной не с промышленно-производственным сектором столичного хозяйства, а с сектором услуг и производств примитивного уровня. Эта новая рабочая сила имеет не только более низкую производительность (т.к. низкой квалификации), но и более низкие запросы (потребности) к качеству,

уровню и безопасности. Следовательно, она не может выступить локомотивом развития столицы, а необходимы преобразования в столичной экономике и обществе вообще.

Кроме приведенного выше основного вывода эмпирические данные показывают:

1. Нынешний рост (концентрация) численности населения в отдельных административных (региональных) столицах не разрешает проблемы развития и не обеспечивает рост ВМП (валового муниципального продукта) в силу того, что не работает классический (канонический) воспроизводственный контур для роста народонаселения, содержащий следующий алгоритм: природная среда—производство средств существования—рабочая сила—благосостояние—безопасность—рост народонаселения. Наблюдается разрушение первого, второго и третьего базовых элементов — природной среды, производства средств существования и рабочей силы,—за счет чего невозможно воспроизводство двух следующих. Но при этом растёт народонаселённость, т.е. шестой элемент. Говорит ли это о возникновении некой «новой реальности» в расселении и территориальной организации? На наш взгляд, нет. Речь идет об элементарной растрате накопленного ранее потенциала (что видно на примере более низкого, чем в 80-е годы, и снижающегося уровня и качества жизни) при одновременной достаточно весомой внешней подпитке (в виде безвозмездных перечислений из федерального бюджета, трансфертов и т.п.);

2. При современной отраслевой структуре столичного хозяйства (низкий удельный вес индустриальных предприятий, отсутствие развитой промышленности, сельского хозяйства и резкий рост отраслей сферы услуг) и при одновременном росте численности населения происходит снижение общего уровня и качества жизни;

3. Рыночный способ территориальной организации и расселения в условиях сильных этнонациональных и слабых профессионально-квалификационных различий, а также при высоком уровне дифференциации территорий по технико-технологическому, промышленному, индустриальному и научно-техническому развитию и образованию, не способен осуществлять рациональное распределение населения по территории. В результате классическая догма расселения и территориальной организации формулируется иначе: концентрация населения на территории, не подкрепленная соответствующим развитием промышленных производств и индустриализацией, научно-образовательными и т.д. структурами, не может вызывать роста и развития МО и ВМП. В современных условиях (уровне индустриализации, технологий и т.д.) рост численности населения столиц не ведет к перманентному изменению качества. Поэтому процессу территориальной организации и расселения требуется придать социально управляемый характер и, по-видимому, в максимально жесткой форме.

Статистические данные позволили выявить и другие тенденции в развитии народонаселённости региональных столиц Северного Кавказа.

Во-первых, региональные столицы Северного Кавказа с начала 90-х по настоящее время выступают основными «потребителями» населения районов и посёлков внутри региона. Основные потоки внутренней миграции завязаны на региональных столицах. Страдают от этого в первую очередь малые города территорий, из которых в первую очередь и в наиболее массовом объеме мигрирует население в столицу. Что касается аулов, сел, станиц, деревень и других сельских населенных пунктов, то миграционные потоки из них менее массовые, чем из малых городов и поселков. Тем не менее и здесь уже наблюдается кризис поселения. В виду снижения общей численности населения сельских поселений деградируют как производства (в первую очередь сельскохозяйственные), так и социальные объекты (школы, больницы и т.д.). Отсутствие удовлетворительных транспортных коммуникаций между столицей и удаленными от столиц поселениями, причем не только горными, но и равнинными, ведет к тому, что население последних делает выбор в пользу переселения на постоянное местожительство в столицу, чем маятниковую миграцию между столицей и сельским поселением. Таким образом, столица играет роль потребителя людских ресурсов, не отдавая ничего адекватного периферии.

Во-вторых, за 90-е и по настоящее время, за редким исключением г. Грозного и, возможно, Ставрополя, в региональных столицах Северного Кавказа не построено ни одного нового крупного промышленного предприятия. Все это говорит о дальнейшей деградации промышленного (индустриального) потенциала столиц с соответствующими последствиями — отсутствием дополнительных источников для роста ВМП (валового муниципального продукта) столицы, расширения ее производственно-хозяйственной интегрированности в общероссийскую и международную систему разделения труда, строительства новых научных центров и других стимулов для выращивания квалифицированной рабочей силы. Напротив, за это время были закрыты подавляющее большинство ранее существовавших промышленных предприятий, машиностроительных, энергетических, строительных, сервисных. Иными словами, столичное хозяйство деградирует в промышленном (индустриальном) аспекте. Оно становится более примитивным, система разделения труда упрощается, меняется его ядро, матрица. Если прежде в центре хозяйственной матрицы столицы располагалось промышленное (индустриальное) ядро с развитыми научно-производственными периферическими оболочками, а на крайней периферии, составлявшей своеобразную маргинальную область, торгово-развлекательные структуры, то теперь все поменялось: хозяйственная матрица столицы переформатировалась в обратном порядке — ядро занимает торгово-развлекательные структуры, маргинальные области — производственные, промышленные структуры.

В-третьих, столицы сконцентрировали в себе все или почти все административные (властные) функции и сопряженные (предоставляемые за их счет) с ними экономические и прочие ресурсы. При этом все или почти все региональные столицы дотационны с точки зрения их бюджетов.

Основными статьями, пополняющими их бюджет, выступают НДС, налог на аренду, имущество и т.д., т.е. непроизводственные налоговые поступления. Это весьма шаткая база для развития. При этом, сконцентрировав в себе властные функции, столицы сконцентрировали в себе также и региональные бюджеты и межбюджетные поступления. Вся региональная бюджетная система заиклена на столицах. Поэтому бюджет региона фактически не выходит за пределы столиц. Иными словами, районы и поселения не получают нужной бюджетной поддержки, т.к. почти весь бюджет остается у региональной столицы.

В-четвертых, развитие региональных столиц происходит хаотично не только с точки зрения архитектуры и градостроения, но, главное, с точки зрения городского хозяйства. Гипертрофированная сфера жилищного строительства без адекватной системы коммуникаций приводит к образованию внутри столиц своего рода гетто — спальных и подобных районов. Одновременно идет процесс образования территориальных этнонациональных, конфессиональных и т.п. территорий. Такое положение приведет к мелкой фрагментации и деградации территориальных экономических структур.

Очевидно, что в настоящее время и с учетом существующих трендов региональные столицы Северного Кавказа не являются акторами развития. Они оттягивают ресурсы роста у районов и поселений и не могут дать им что-либо взамен в силу того, что сами не могут развиваться и расти. Таким образом, региональные столицы становятся территориями стагнации, а в перспективе деградации и разложения. Нельзя говорить, что в северокавказских столицах нет условий для проживания, но миграция продолжается. Кроме того, Грозный, Ставрополь выступают притягательными для жителей Нальчика, Владикавказа, Черкесска, Назрани, и жители последних переселяются в первые. Имеет место конкуренция, но не стимулирующая, а имеющая негативные последствия. В этой связи следует заметить, что рыночные механизмы функционирования столичного хозяйства в данном случае оказываются нерациональными, ущербными для развития столиц. Очевидна необходимость создания новых механизмов управления столичным хозяйством, включающих целенаправленное, программное ориентирование, можно сказать, «административное» регулирование.